

В.Г. ЛЕДЯЕВ

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ:
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Ледяев Валерий Георгиевич — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Ивановского государственного энергетического университета.

Адрес: 153018 Иваново, ул. Шувандиной, д. 101. кв. 5. e-mail: marina@politech.ivanovo.su. From October 1996 to September 1997 a correspondence is to addressed to: 86, Wellington Road, Fallowfield, Manchester, UK, Postcode: V146BL

Казалось бы, все знают, что такое "власть". Являясь частью повседневного человеческого опыта, власть формирует представление о себе на уровне здравого смысла. Люди часто используют данное слово, не задумываясь о его содержании или вкладывая в него то или иное значение интуитивно. Но как только дело доходит до 'точной дефиниции и уточнения границ понятия, возникают трудности. "Все мы хорошо знаем, что это такое, до тех пор, пока нас не спросят", — писал Р.Берштедт [1, р. 730]. Многие исследователи справедливо относят понятие власти к числу наиболее трудных для определения, понимания и объяснения.

В данной статье мы рассмотрим основные, наиболее влиятельные традиции в понимании власти, сложившиеся в современной западной социальной науке.

Большинство исследователей согласны с тем, что в основе понятия власти лежит идея производства каузальных следствий: власть представляет собой способность оказать определенное воздействие на объект. "Абсолютным общим ядром или примитивной идеей, лежащей в основании всех рассуждений о власти, — пишет С.Льюкс, — является идея о том, что А каким-то образом воздействует на Б [2, р. 26]. Однако в таком виде определение власти остается слишком аморфным, неопределенным. Очевидно, что не любая способность воздействовать и не любое воздействие есть власть. Концепция власти поэтому должна включать определенный критерий (или критерии) существенного (значимого) воздействия, отличающего власть от обычной каузальной связи.

Сами критерии значимости, в свою очередь, отнюдь не очевидны и при этом связаны со многими дискуссионными вопросами. Что есть власть: потенциал, действие или и то, и другое? Власть сделать что-то или власть над кем-то? Может ли власть осуществляться не намеренно? Кто является субъектом власти: индивиды, группы, организации или же социальные структуры и системы? Означает ли власть, по определению, конфликт, оппозицию, сопротивление, асимметрию? Что является объектом воздействия власти: интересы, предпочтения, поведение, сознание, выбор деятельности?

Многие известные исследователи пытались ответить на эти вопросы и сформулировать свое собственное видение

власти (в том числе Т.Гоббс, М.Вебер, Б.Расселл, Х.Лассуэлл, Р.Даль, Т.Парсонс, Х.Арендт, С.Льюкс, Д.Ронг, Дж.Дебнэм, Р.Арон, П.Моррис, М.Фуко и др.). Многие вопросы по-прежнему остаются открытыми. Проблема, разумеется, не относится к чисто академическим: от того, как определяется понятие власти, в конечном счете зависят и построение теоретических моделей, и выбор методов эмпирических исследований власти, и, соответственно, его непосредственные результаты.

Классический пример того, как выбор концепции власти предопределяет основные выводы и результаты эмпирических исследований, дает сопоставление точек зрения Ф.Хантера и Р.Даля. Используя "репутационный" метод исследования, Хантер пришел к элитистским выводам о распределении власти в американском обществе, в то время как "решенческий" метод Даля привел его к плюралистическим оценкам. Не случайно поэтому всплеск интереса к определению понятия власти и начало его систематической разработки приходится на 1950-1960 годы когда власть стала объектом практического исследования прежде всего в политической науке.

Разумеется, власть как важнейшая составляющая социальных отношений, всегда вызывала интерес исследователей. Уже у Платона и Аристотеля мы находим немало интересных наблюдений о власти, ее свойствах и закономерностях. Однако в отличие от современных исследователей древние мыслители, как правило, не вдавались в подробный анализ понятия власти. Они, отмечает Р.Даль, считали само собой разумеющимся, что ключевые термины типа: "власть", "влияние", "авторитет", "правление" не требуют разработки, поскольку значение этих слов понятно для людей со здравым смыслом [3, р. 39],

Первая специальная попытка определить власть как понятие связана с именем Гоббса. Власть человека, — писал Гоббс, — "есть его наличные средства достигнуть в будущем некоего блага" [4, С. 63].¹

Гоббс заложил основы "каузальной" концепции власти, которая и по сей день превалирует в научной литературе. Власть представляет собой отношение между субъектами, в котором один из них выступает причиной действий или изменения действий другого. В соответствии со своими представлениями о природе человека Гоббс рассматривает властные отношения как асимметричные и конфликтные, отражающие господство одних людей над другими.

Следующей вехой в истории анализа власти стала концепция Макса Вебера, в которой понятие власти приобрело вполне современную четкость и определенность. Вебер определял власть как "вероятность того, что актор в социальном отношении будет в состоянии реализовать свою волю вопреки сопротивлению, независимо оттого, на чем эта вероятность основывается" [5, р. 152]. В веберовском определении подчеркиваются три важнейшие черты власти: (1) власть не есть принадлежность индивидов, а существует во

¹ В русских переводах Гоббса, в том числе и в издании, на которое мы ссылаемся, слово "power" переведено как "могущество", а "authority" как "власть". На наш взгляд, это совершенно неправомерно; так как вносит путаницу и создает дополнительные трудности.

взаимоотношении между ними; (2) власть должна определяться в терминах вероятности, возможности; (3) основу власти могут составить любые вещи, свойства или отношения. Как и Гоббс, Вебер рассматривал власть как намеренное асимметричное отношение между индивидами (но не группами или общностями). В отличие от авторитета, власть связана не с социальными позициями или ролями, а с персональными качествами индивидов. Вебер, однако, считал понятие власти "социологически аморфным", так как "любое качество человека и любое стечение обстоятельств могут создать ситуацию, где индивид получит возможность требовать подчинения своей воле". Поэтому он предпочитал пользоваться более четким, с его точки зрения, понятием "господство" (herrschaft), которое он рассматривал как частный случай власти ("возможность заставить группу людей повиноваться команде") [6, p. 117].

Современные дискуссии о власти открываются работами Х.Лассуэлла и Э.Кэплэна, Р.Берштедта, Х.Саймона, Д.Картрайта, Р.Даля, Дж.Марча и других исследователей, опубликованными в 1950-х — начале 1960-х годов. В них, как уже отмечалось, анализ понятия власти становится всесторонним и систематизированным. Многие исследователи особо подчеркивают роль книги Х.Лассуэлла и Э.Кэплэна "Власть и общество" [7], вышедшей в 1950 году, которая, как считает Д.Болдуин, стала "водоразделом между старыми интуитивными, расплывчатыми трактовками власти и ясностью и четкостью более поздних дискуссий" [8, p. 129].

Трудно систематизировать и классифицировать все заслуживающие внимания подходы к пониманию власти, поскольку различия между ними можно провести по нескольким основаниям. Тем не менее, и с этим соглашается большинство исследователей, в концептуальном анализе власти довольно отчетливо просматриваются две основные традиции.

Первая традиция, обозначаемая как "секционная (групповая) концепция власти" (Дж.Скотт [9]) или как "традиция реализма" (Р.Даль [3]) и идущая от Т.Гоббса и М.Вебера, представлена в работах Х.Лассуэлла и Э.Кэплэна, Р.Даля, Д.Картрайта, С.Льюкса, Э.Гидденса и других авторов. Власть рассматривается здесь как асимметричное отношение, включающее актуальный или потенциальный конфликт между индивидами. Власть возникает в тех социальных взаимодействиях, где один из субъектов обладает способностью воздействовать на другого, преодолевая его сопротивление. Власть концептуализируется как власть над кем-то, как "отношение нулевой суммы", в котором возрастание власти одних индивидов и групп означает уменьшение власти других индивидов и групп.

Вторая традиция — "несекционная концепция власти" — отвергает идею "нулевой суммы", допуская, что власть может осуществляться ко всеобщей выгоде. В данной традиции власть рассматривается как коллективный ресурс, как способность достичь какого-то общественного блага; подчеркивается легитимный характер власти, ее принадлежность не отдельным индивидам или группам, а коллективам людей или обществу в целом. Современными представителями этой традиции, корни которой восходят к Платону и Аристотелю, являются Т.Парсонс, Х.Арендт и, в какой-то мере, М.Фуко.

Разумеется, не все подходы строго вписываются в рамки этих двух традиций; многие авторы стремятся отойти традиционных воззрений, заимствуя идеи у "противоположной стороны". При этом спектр различий в рамках этих двух традиций также достаточно широк.

К числу наиболее влиятельных подходов, развивающихся в русле первой традиции (остающейся по-прежнему доминирующей), относится концепция власти Роберта Даля. Наряду со многими другими исследователями Даль рассматривает власть как контроль за поведением. Далевская "интуитивная идея власти" — "А имеет власть над Б настолько, насколько может заставить Б делать что-то, что Б в ином случае не стал бы делать" [10, р. 80] — стала изначальной основой многих концепций власти. Вслед за Гоббсом, Даль рассматривает власть в терминах каузальной связи.² "Ближайшим эквивалентом властного отношения, пишет он, — является каузальное отношение. Поэтому утверждение "С имеет власть над П" можно заменить утверждением "поведение С является причиной поведения П" [3, р. 46]. Даль подчеркивает, что каузальный анализ власти соответствует нашим желанием воздействовать на причины в реальном мире, чтобы добиться желаемого эффекта. Он признает, что каузальное объяснение создает и некоторые трудности, так как каузальная цепочка может состоять из многих звеньев, что делает "невозможным знать, все ли необходимые факторы реального мира учитываются в исследовании" [3, р.49]. Но, считает Даль, цитируя Х.Блэйлока [11, р. 18], "мы должны где-то остановиться, и считать теоретическую систему закрытой. Фактически мы можем остановиться в той точке, где измерение дополнительных переменных либо затруднено, либо требует слишком больших затрат, либо оно с ними мало связано... Отношение, которое в одной системе является непосредственным, в другой системе может быть косвенным или его можно рассматривать даже как ложное" [3, р. 50].

Даль утверждает, что во властном отношении "существует хотя бы короткий временной промежуток, между действиями актора, который считается осуществляющим власть, и реакциями респондента". Это требование "соответствует интуитивному убеждению в том, что А вряд ли может считаться обладающим властью над а до тех пор, пока за попытками А осуществить власть не последуют реакции а" [10, р. 81]. Каузальное отношение предполагает, что предшествующее событие отражается в последующем, обязательно обозреваемом следствии. Власть, считает Даль, это событийная причинная связь, поэтому "нет действия на дистанции". "До тех пор, пока между А и а нет "соединения", нельзя говорить о существовании властного отношения" [10, р. 82]. Таким образом, власть осуществляется (и существует) только если субъект власти предпринимает успешную, намеренную, наблюдаемую попытку заставить объект делать что-то, что последний не стал бы делать в ином случае. Только

² Даль обычно употреблял термины "власть", "контроль", "влияние" и другие "властные" термины в качестве синонимов, хотя и допускал, что в ряде случаев "различия являются необходимыми и полезными" [3, р.80]. Поэтому он использовал каузальную терминологию для объяснения всех "властных" терминов.

после этого актер становится субъектом власти. Если же потенциал остался нереализованным, то его нельзя считать властью. Хотя Даль и различал "осуществление власти" и "обладание властью", последнее он по сути сводил к так называемому "правлению предвиденных реакций".³ Как и другие бихевиористы, Даль, по сути, отождествляет власть с влиянием и фокусирует внимание на внешних формах поведения и непосредственно наблюдаемых событиях. Анализ политической власти концентрируется на процессе принятия политических решений, в котором проявляется способность одних индивидов и групп навязать свою волю другим индивидам и группам в ходе успешной конкуренции. Власть измеряется по степени влияния на принятие решений в сфере публичной политики. Продолжая традиции Вебера, Даль рассматривает власть как "власть над", асимметричное отношение, подразумевающее конфликт и оппозицию сторон.

Сведение власти к ее поведенческим, непосредственно обозреваемым формам стало объектом критики со стороны американских исследователей П.Бэкрэка и М.Бэрэтца. По существу они не отвергали далевскую концепцию, а скорее пытались преодолеть ее явный поведенческий крен, уточнить содержание понятия и расширить сферу его применения, сделав понятие более адекватным и приспособленным для анализа политики. Бэкрэк и Бэрэтц справедливо указали, что власть А над Б существует не только тогда, когда А может заставить Б делать то, что тот делать не хочет, но также в ситуациях, когда А может заставить Б не делать то, что Б хочет делать. Власть поэтому может осуществляться как в условиях открытого конфликта при принятии решений, так и "путем ограничения сферы принятия решения относительно "безопасными" проблемами" [12, р. 6]. "Второе лицо власти" появляется в ситуациях "непринятия решений", где "А направляет свою энергию на создание или укрепление социальных и политических ценностей и институциональной практики, ограничивающих сферу политического процесса публичным рассмотрением только тех проблем, которые являются относительно безопасными для А. В той степени, в какой А удается сделать это, Б оказывается недопущенным, по практическим соображениям, к выдвижению вопросов, решение которых могло бы нанести серьезный ущерб предпочтениям А" [12, р. 7].

Согласно Бэкрэку и Бэрэтцу, распределение благ и привилегий между членами общества — доходов, богатства, социальных статусов, власти — неравномерно. Это неравенство поддерживается так называемой "мобилизацией склонностей" (mobilization of biases). "Мобилизация склонностей" представляет собой "совокупность предопределяющих ценностей, убеждений, ритуалов и институциональных процедур ('правил игры'), которые систематически и стабильно обеспечивают выгоду определенных индивидов и групп за счет других" [12, р. 43]. Главным методом поддержки "мобилизации склонностей" является непринятие решений, которое, как и

3 Термин "правление предвиденных реакций" (the rule of anticipated reactions) был впервые использован К.Фридрихом для объяснения тех случаев осуществления власти, где субъект не предпринимает каких-либо действий в отношении объекта: объект действует в соответствии с предполагаемыми намерениями субъекта, предвидя его реакции.

принятие решений, основывается на комбинации из четырех составляющих — силы, влияния, авторитета и власти, имеющих ряд общих черт, но различающихся по отдельным аспектам. В отличие от других исследователей, Бэкрэк и Бэрэтц рассматривают власть только как один из видов успешного контроля, не относя силу, авторитет, влияние или манипуляцию к власти. Они подчеркивают, что власть является главным способом обеспечения непринятия решений. Власть определяется ими как форма контроля, возникающая, "когда: (а) между А и Б есть конфликт в отношении ценностей или направления действий; (б) Б подчиняется желаниям А; и (с) Б делает это, поскольку опасается, что А лишит его ценности или ценностей, более значимых, чем те, которые он будет иметь в результате неповиновения" [12, р. 24]. Власть не является принадлежностью субъекта, а представляет собой отношение между субъектом и объектом: успешное осуществление власти зависит от сравнительной значимости конфликтных ценностей в сознании объекта. Конфликт интересов или ценностей является обязательным условием власти поскольку при наличии у субъекта и объекта общих целей действия объекта будут добровольными. Речь идет скорее об авторитете, чем о власти. Бэкрэк и Бэрэтц считают, что власть существует и в тех ситуациях, когда субъект осуществляет ее неосознанно или где осознанное осуществление власти вызывает ненамеренные эффекты.

Следующий раунд дебатов о природе и "лицах" власти связан с появлением в 1974 году работы Стивена Льюкса "Власть: Радикальный взгляд" [2]. Льюкс принял критику Бэкрэком и Бэрэтцем далевского "одномерного" взгляда на власть, но посчитал, что и их "двухмерная" концепция не охватывает всех форм существования власти. Льюкс подчеркнул, что как плюралисты, так и их критики неправомерно сводят анализ исключительно к поведенческим аспектами власти. Понятие "власть", по его мнению, не ограничивается поведением (действиями и недействиями), а учитывает также контроль над ценностями и убеждениями. Его "трехмерный" взгляд сохраняет предыдущие два лица власти, но не ограничивается ситуациями открытого конфликта намерений (Даль) или подавления скрытого (но осознаваемого обеими сторонами) конфликта путем недопущения его в сферу принятия решений (Бэкрэк и Бэрэтц), а включает ситуации, когда между субъектом и объектом нет видимого (открытого или скрытого) конфликта. Говоря о "третьем лице власти", Льюкс подчеркивает, что "высшая и наиболее коварная форма осуществления власти — это предотвращение, в той или иной степени, возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечили бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке вещей — или в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому что считают его божественно предопределенным или выгодным" [2, р. 24]. Иными словами, субъект осуществляет власть над объектом не только, когда заставляет объект делать то, что тот не хочет делать, но и когда формирует его желания. Между субъектом и объектом нет конфликта предпочтений (субъективных желаний и целей), но есть конфликт интересов: объект действует в соответствии со своими намерениями, но вопреки своим

реальным (объективным) интересам, которые он не осознает.

В соответствии с этим Льюке предлагает исключить из определения власти ссылки на "конфликт предпочтений", заменив его на "конфликт интересов", поскольку понятие "интерес" включает не только субъективные предпочтения (намерения, цели), но и что-то такое, что люди могут и не осознавать. Это, по его мнению, позволяет увидеть и учесть все "лица" власти. Льюкс предлагает следующее определение власти: "А осуществляет власть над Б, когда А воздействует на Б вопреки интересам Б" [2, р. 34]. Это определение, как подчеркивает Льюке, углубляет "одномерный" и "двухмерный" взгляды, где власть по существу определяется как воздействие вопреки интересам объекта, но "интересы" понимаются слишком узко и сводятся к субъективным (осозанным) желаниям индивидов, к их предпочтениям и целям.

Интересы людей, считает Льюкс, не всегда совпадают с их предпочтениями. Люди иногда совсем не осознают свои интересы ("реальные интересы") или имеют о них ошибочные представления. Предпочтения и желания могут быть продуктом социальной системы и властного контроля и часто не соответствуют "реальным" интересам людей. "Реальные" интересы, по Льюксу, это то, что люди выбрали бы в условиях "относительной автономии", то есть в ситуациях где над ними бы не осуществлялась власть.⁴ Поскольку, как считает Льюкс, между теми, кто осуществляет власть и теми, кто является ее объектом, неизбежно возникает расхождение интересов, потенциальный конфликт между ними существует всегда, даже при отсутствии каких-либо внешних его проявлений. Поэтому власть, по Льюксу, осуществляется и тогда, когда субъект ее не осознает. [2, р. 39]. Предвидя возможность ситуаций, где намерения субъекта соответствуют "реальным" интересам объекта, но при этом противоречат его субъективным предпочтениям, Льюке вводит понятие "краткосрочная власть" (short-term power). Как только объект начинает осознавать свои "реальные" интересы, "краткосрочная власть" самоуничтожается [2, р. 33].

Хотя большинство исследователей признает значительный вклад Льюкса в развитие представлений о власти и отмечает ряд важных идей и преимуществ его подхода, Льюксу не удалось избежать их резкой и во многих случаях справедливой критики. Критика, в частности, коснулась его определения "реальных интересов", правомерности введения понятия "краткосрочная власть" и, в целом, видения власти как непременно наносящей вред объекту. Действительно, почему власть не может осуществляться в интересах объекта? Что дает основание считать, что в условиях "относительной автономии" человек обязательно выберет свои "реальные" интересы? Возможно ли вообще такое состояние (даже гипотетически)?

⁴ Очевидно, Льюкс не хочет вставать на объективистскую точку зрения в отношении интересов и определять "реальные интересы" (интересы) вне связи с субъективными предпочтениями людей (например, как универсальные фундаментальные потребности личности). По его мнению, это неизбежно привело бы к размыванию различий между интересами и идеалами (и стремлению выдать идеалы за интересы), идейному оправданию элитизма, авангардизма, патернализма, тирании и прочих малопривлекательных вещей.

Почему выбор будет указывать именно на "реальные" интересы объекта, а не просто на какие-то другие его предпочтения? Почему скрытое формирование убеждений и установок объекта считается "полноправной" формой власти ("третье лицо власти"), в то время как его зеркальное отражение — действия субъекта в интересах объекта, не осознающего свои интересы, — лишь ее абберацией — властью "краткосрочной"? На наш взгляд, Льюке не смог найти убедительные ответы на эти вопросы.

Наряду с рассмотренными подходами, связанными с бихевиористской проблематикой и акцентом на контроле за поведением, большую популярность, особенно в 1960-1970 годы, получили концептуализации власти с помощью понятий зависимости и обмена. Оставаясь в рамках той же общей традиции, П.Блау, Дж.Хоманс, Дж.Зибаут и Х.Келли, Р.Эмерсон, Б.Бэрри, Дж.Хэрсаньи предложили несколько иное объяснение власти и механизма ее функционирования, стремясь вписать понятие в теорию социального обмена. Власть рассматривается здесь в терминах экономического анализа, фокусирующего внимание на выгодах и издержках, получаемых акторами в процессе их взаимодействия.

Основой власти и ее обязательным элементом является отношение зависимости, возникающее между субъектом и объектом. Ее источник, по мнению теоретиков социального обмена, заложен в неравном распределении материальных, социальных, духовных и политических ресурсов, которое ведет к неравным результатам (выгодам и издержкам) в отношении обмена между субъектом и объектом. У субъекта отсутствуют необходимые ему для достижения своих целей ресурсы или их недостаточно. Если он не может получить необходимые ресурсы из других источников, он вынужден повиноваться воле субъекта, поскольку именно субъект обладает теми ресурсами, которые нужны объекту. Таким образом, зависимость возникает, когда результаты деятельности актора зависят не только от его собственного поведения, но и от действий других акторов, то есть детерминированы взаимодействиями. Зависимость не является постоянной. Она возрастает прямо пропорционально ценности ресурсов, которыми может обеспечить субъект, и снижается по мере расширения доступа к альтернативным источникам этих ресурсов. В отличие от объекта, субъект не зависит от ресурсов объекта или зависит от них в меньшей степени. Власть является функцией зависимости: способность субъекта преодолеть сопротивление объекта заложена в зависимости объекта от субъекта и коррелирует с ней: чем сильнее зависимость, тем больше власти, и наоборот. Таким образом, субъект обладает властью над объектом и может влиять на его поведение в той степени, в какой он может определять и контролировать ожидаемые объектом награды и издержки (rewards and costs).

Для многих авторов, рассматривающих власть в терминах зависимости и обмена, результат власти не сводится к контролю за поведением объекта. В частности, Б.Бэрри подчеркивает, что властью может считаться лишь такое отношение между субъектом и объектом, в котором выгоды, получаемые сторонами отношения, неравны: "А имеет власть над Б если, и только если максимальная чистая выгода А от подчинения Б влечет за собой или чистые потери Б, или

меньшую чистую выгоду Б по сравнению с А". Если Б получает выгоду, равную выгоде А, то такое отношение следует считать "обменом", но не "властью" [13, р. 95]. Многие исследователи фактически сосредотачивают внимание именно на выгодах субъекта и потерях объекта как важнейших характеристиках власти и неравномерном распределении благ как следствии и показателе власти. Распределение власти рассматривается как распределение материальных и социальных наград. В этом смысле обладание и осуществление власти может иметь место и без повиновения объекта субъекту [14, р. 637].

Одной из наиболее разработанных концепций власти является концепция Питера Блау — крупнейшего теоретика социального обмена. Блау считает власть разновидностью социального обмена, определяя ее как "способность индивидов или групп навязывать свою волю другим вопреки их сопротивлению через угрозу наказания или отказа в регулярных вознаграждениях, так как и первое, и второе обладают эффектом негативной санкции" [16, р. 294].⁵ Блау ограничивает власть сферой негативных санкций, но подчеркивает, что последние не сводятся к физическому принуждению или угрозе такого принуждения: "Люди могут подчиняться из страха потерять работу, подвергнуться остракизму, платить штраф или утратить социальное положение" [16, р. 293]. При этом граница между негативными и позитивными санкциями часто оказывается размытой.⁶ Единственное различие между наказанием и вознаграждением проявляется в контексте "изначального положения, в котором находится индивид, когда кто-то пытается повлиять на него... независимо от того, стало ли ему хуже или лучше после начала взаимодействия". Но само это изначальное положение, пишет Блау, "становится неясным, когда награды делают реципиента зависимым от источника поступления, превращая в объекта его власти, поскольку они вызывают ожидание наград, лишение которых воспринимается как наказание" [16, р. 293].

Блау рассматривает властные отношения как имманентно асимметричные ("взаимная зависимость и взаимное влияние равной силы свидетельствуют об отсутствии власти") и "основывающиеся на чистой способности индивида отказать в вознаграждении или использовать наказания в отношении других — способности, которая остается после учета того сопротивления, которое может быть оказано" [16, р. 294]. Блау подчеркивает, что власть характеризует способность "неоднократного навязывания воли другим, а не единичный пример влияния на их решения, какими важными бы они ни были" [16, р. 294]. Он указывает, что не все виды навязывания воли могут считаться властью. "Побуждение индивида к предоставлению услуг за вознаграждение не содержит

⁵ Некоторые авторы не согласны с этим утверждением. Например, Болдуин считает, что у Блау "обмен и власть это отдельные и отличные друг от друга феномены; ни один из них не является разновидностью другого" [18, р. 1231].

⁶ Это иллюстрируется следующим примером. Сравним два случая: (1) человек выполняет услугу под угрозой изъятия у него 100 долларов в случае его отказа; (2) человек выполняет ту же самую услугу в силу того, что ему обещали 100 долларов. Чистая разница между выполнением услуги и отказом от выполнения одинакова в обоих случаях.

осуществления власти над ним", — пишет Блау [16, р. 308]. Противоположно совету, где субъект подсказывает объекту как тот может получить выгоду, во властном отношении субъект направляет объекта делать то, что хочет субъект. В отличие от прямого физического принуждения власть включает в себе элемент добровольности: объект может предпочесть наказание повиновению. Как и любые другие подходы, концептуализации власти в терминах зависимости и обмена вызвали критику со стороны оппонентов. Было отмечено, что не все формы власти могут быть адекватно представлены как разновидности отношений обмена и зависимости (например, манипуляция или сила). Подверглись сомнению и попытки включить в число обязательных элементов власти, наряду с подчинением, критерии выгоды субъекта и потерь объекта: как, например, следует трактовать ситуацию, когда субъект добился подчинения объекта ценой высоких издержек, сделавших попытку осуществить власть невыгодной для него, если в момент подчинения он считал ее выгодной? Опять же, объектом критики стали идеи, характерные не только для данного подхода, но и для всей "секционной" традиции — идеи конфликта, асимметрии, негативных санкций и др.

Появление альтернативных концепций (Т.Парсонс, Х.Арендт, М.Фуко), а также усилившаяся критика позитивистской методологии, на которой главным образом и основывались исследования 1950-1960 годов, вызвали тенденцию к пересмотру ряда традиционных элементов в концепции власти. Некоторые исследователи (Э.Гидденс, Д.Ронг, Д.Болдуин, Дж.Дебнэм) отказались рассматривать власть как предполагающую обязательный конфликт, репрессии и действия против интересов объекта. Так, Ронг к формам власти, в числе прочих, отнес убеждение, побуждение и манипуляцию [17]. Болдуин предложил не ограничивать власть исключительно негативными санкциями, а рассматривать подчинение на основе позитивных санкций как форму власти [15]. Гидденс определяет власть как "способность достичь определенного результата; связано это с чисто секционными интересами или нет, не имеет отношения к ее определению". Сила и угроза ее применения, пишет он, "не являются типичными случаями использования власти. Кровь и ярость, накал борьбы, прямая конфронтация вражеских лагерей — не относятся к числу тех исторических обстоятельств, в которых ощущаются или формируются самые далеко идущие последствия власти" [Цит. по: 18, р. 104].

Эта критика, однако, в целом не отвергала традиционные воззрения, а скорее была направлена против одностороннего ("негативного") видения власти. Более радикальные возражения были высказаны представителями альтернативной ("несекционной") традиции в понимании власти. Т.Парсонс указывает на три основных недостатка господствующего подхода. Во-первых, его характеризует "концептуальная расплывчатость", следствием которой является "трактовка "влияния" а иногда и "денег", так же, как и различных аспектов принуждения, в качестве "форм" власти, что делает логически невозможным рассмотрение власти как специфического механизма, осуществляющего изменения в действии других единиц, индивидуальных и коллективных, в процессе социального взаимодействия"[19, р. 95]. Во-вторых,

он не решил вопрос о соотношении аспектов принуждения и консенсуса во власти: исследователи либо рассматривали эти аспекты как формы власти, либо подчиняли их один другому, характеризуя власть как опирающуюся, в конечном счете, или на принудительные санкции, или на согласие. Оба варианта решения проблемы Парсонс посчитал неправомерными. Наконец, в-третьих, традиционный подход органически связан с концепцией "нулевой суммы", которая, по мнению Парсонса, не применима к достаточно сложным системам [19, p.95].

В отличие от многих других концепций власти, концепция Парсонса с самого начала была вписана в его общую схему анализа социальных систем (общества). Тем самым Парсонс ограничил сферу власти пространством политики, не рассматривая власть как межличностный феномен или как тип отношений в семье или организации. В основе парсонсовской концепции лежит идея изначального сходства концептуальных структур, предназначенных для анализа экономической и политической сфер общества. Сравнивая их, Парсонс приходит к выводу, что власть в политике играет роль, сопоставимую с ролью денег в экономике. Аналогично деньгам, являющимся посредником в экономических операциях, власть выступает средством упорядочения политических процессов. Как обладание деньгами дает возможность приобретать различные блага и услуги, так и обладание властью обеспечивает выполнение широкого набора политических обязанностей и функций.

Это привело Парсонса к существенно отличному от традиционного подхода способу определения власти. Власть у него является не атрибутом акторов или отношений, а свойством (ресурсом) систем. Власть, по Парсонсу, это "генерализованная способность обеспечить выполнение элементами системы своих обязанностей, которая легитимизируется тем, что направлена на достижение коллективных целей и предполагает в случае неповиновения применение негативных санкций" [19, p. 103]. Власть "производится" социальной системой аналогично богатству, создаваемому экономической организацией. Как и деньги, власть не представляет ценности сама по себе; ее роль состоит в том, что она обеспечивает достижение коллективных целей через согласие членов общества легитимизировать лидерские позиции и дать мандат на принятие решений и формирование политики от имени общества тем, кто находится на этих позициях.

Парсонс отвергает идею о том, что власть охватывает все формы подчинения объекта, относя к власти только генерализованные, легитимизированные, институционализированные символические формы, полностью зависящие от доверия людей к самой системе власти. Концепция Парсонса значительно "уже" большинства других подходов, она исключает из власти принуждение, манипуляцию, персональный авторитет, "голую силу" и рассматривает власть лишь как один из способов воздействия субъекта на объект. Таким образом, концепция Парсонса тесно связывает власть с легитимным авторитетом. Последний является не формой власти, как обычно считается, а скорее ее основой; власть фактически становится производной авторитета, понимаемого как институционализированное право

лидеров ожидать поддержки членов коллектива. В отличие от критикуемой Парсонсом концепции "нулевой суммы", в данном случае "количество" власти может быть увеличено аналогично кредитованию экономики. Индивиды "инвестируют" свое доверие в тех, кто ими правит, выигрывая от процесса осуществления власти, поскольку власть обеспечивает реализацию коллективных целей.

Критики Парсонса чаще всего указывают на не вполне правомерное, с их точки зрения, сравнение власти с деньгами (Э.Гидденс, Д.Болдуин), а также на то, что, сосредоточившись на "власти для" (достижение коллективных целей), Парсонс пренебрег "властью над" (достижение повиновения через преодоление оппозиции и сопротивления), которая традиционно находится в центре внимания политологов (С.Льюкс). В результате им игнорируются ситуации, когда решения, принятые на основе легитимного авторитета, направлены на реализацию узкокорыстных частных и групповых интересов, и исключается анализ власти в терминах борьбы и взаимодействия политических групп.

Близкие Парсонсу идеи о природе власти были высказаны Ханной Арендт. Арендт, так же как и Парсонс, не разделяет традиционных воззрений, отмечая, что они исходят из "старого понимания абсолютной власти, характерного для периода образования европейских национальных государств, и воспетого Жаном Боденом и Томасом Гоббсом" [20, р. 60]. Этот "древний вокабуляр", пишет Арендт, еще более утвердился и укрепился под влиянием иудео-христианской традиции и ее "императивного права", а также исследований, доказывающих существование врожденных инстинктов к господству и внутренней агрессивности человека [20, р. 61]. Сущность власти в данном подходе, считает Арендт, фактически сводится к эффективности команд. Из этого вытекает, пишет она, что "не может быть более сильной власти, чем та, которая вырастает из дула винтовки и трудно сказать, чем приказ полицейского отличается от приказа вооруженного бандита"[20, р. 60].⁷ Отвергая данный подход, Арендт указывает на существование другой не менее древней традиции, восходящей к античности и связанной с идеями "правления закона" и "власти народа", символизирующими "конец правления человека над человеком" [20, р. 62]. Концепция власти Арендт является краеугольным камнем ее теории республики как власти народа, осуществляемой без насилия, поддерживаемой людьми и легитимизируемой в процессе непринуждаемой коммуникативной деятельности.

Как и Парсонс, Арендт рассматривает власть как принадлежащую не индивидам, а коллективам. Люди совместно создают власть посредством коммуникативной деятельности и взаимодействия. Властные отношения — это отношения между равными субъектами, находящимися между собой в процессе коммуникации. Политика — это "действие словами"; именно коммуникативная деятельность создает и

⁷ Это ключевой пункт в аргументации Арендт. Однако, мне кажется, ее рассуждение не столь убедительно, как представляется на первый взгляд: в некотором смысле между приказами полицейского и бандита действительно нет большой (никакой?) разницы, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с приказом, а не с советом или предложением.

поддерживает политическую общность. Коммуникация должна быть обязательно двусторонней, требующей, чтобы ее участники — "говорящие" и "слушающие", вели постоянные диалоги или дебаты. Власть возникает, когда равные собираются вместе. Она, "соответствует человеческой способности не просто действовать, а действовать совместно". Поскольку власть принадлежит группе людей, она существует только до тех пор, пока есть группа. Если группа распадается, власть прекращается. Когда говорят, что кто-то находится у власти, на самом деле имеется в виду, что данный человек наделен властью коллективом действовать от его имени. Индивиды не имеют власти и не осуществляют власть: они обладают только силой [20, р. 64]. Арендт, так же как и Парсонс, не отождествляет власть со всеми способами управления. Понятия "власть", "сила", "могущество", "авторитет", "насилие", пишет она, характеризуют средства, с помощью которых одни люди правят другими. Эти слова могут использоваться в качестве синонимов, поскольку выражают одну и ту же функцию, но по сути они относятся к различным явлениям. Их смешение свидетельствует не только о "лингвистической глухоте", но и вызывает "слепоту" в отражении политических процессов, поскольку в этом случае наиболее существенным политическим вопросом становится вопрос "Кто кем правит?", который, по ее мнению, отнюдь не является главным [20, р. 64]. Однако в отличие от Парсонса, Арендт четко разводит власть и насилие (принуждение). Насилие по своей сути инструментально, оно всегда нуждается в руководстве и оправдании через те цели, которых достигает. Власть же консенсуальна, она не нуждается в оправдании, но всегда нуждается в легитимности. Она не есть средство достижения чего-то; это "цель в себе", она обеспечивает инструментализацию общей воли и общественное согласие. Хотя власть и насилие часто идут рука об руку, они являются противоположностями. Власть не основывается на насилии; более того, насилие может разрушить власть, но не способно создать ее [20, р. 63, 68-71].

Различение власти и насилия ведет Арендт к следующим неожиданным утверждениям: "Тирания ... является наиболее насильственной и наименее властной формой правления" [20, р. 62-63]; "Даже наиболее деспотичные виды господства — правление господина над рабами, которых всегда больше, чем господ, опирается не на превосходящие средства принуждения как таковые, а на превосходство в организации власти — то есть в организованной солидарности господ" [20, р. 67-68]. Таким образом, Арендт рисует образ власти, близкий к идее авторитета — как согласованное действие по осуществлению коллективных целей.

Анализируя концепцию Арендт, Ю.Хабермас приходит к выводу, что она отражает слишком узкий и одновременно ностальгический взгляд на сферу власти (политику), ограничивающий последнюю ненасильственной коллективной коммуникативной деятельностью индивидов, направленную на достижение согласия (а не индивидуальных или групповых интересов). Между тем политическое правление, пишет Хабермас, "функционировало и функционирует не так, как утверждает Арендт" [21, р. 87-88]. Хотя Арендт безусловно права, указывая, что политические системы и институты

"держатся не на насилии, а на признании", политика не может полностью исключить силу и насилие из своей сферы. Сила как способность воспрепятствовать реализации индивидуальных или групповых интересов, всегда в этом смысле является средством достижения или удерживания позиции легитимной власти. "В современных государствах, — пишет Хабермас, — борьба за политическую власть даже институционализована; тем самым она стала естественным компонентом политической системы. С другой стороны, не совсем ясно, как кто-то может генерировать легитимную власть просто в силу того, что он находится в позиции, позволяющей препятствовать другим реализовать их интересы" [21, p.85]. Кроме того, отмечает Хабермас, концепция Арендт не позволяет объяснить в терминах власти, каким образом в современном обществе происходит разрушение взаимопонимания и единства людей, основанных на общности убеждений и их превращение в ложное единство. По мнению Хабермаса концепция власти у Арендт является своеобразным стандартом, к которому необходимо стремиться, но которого в современном мире нельзя достичь. С этой точки зрения концепция оказывается изолированной от экономического, политического и социального контекстов.

К близким по сути выводам в отношении концепций Арендт и Парсонса пришел Льюкс. Хотя он и считает обе точки зрения "рационально обоснованными", тем не менее утверждает, что они уступают его собственной концепции по двум основным причинам. Во-первых, они фокусируют внимание на "власти для" (власти сделать что-то), игнорируя "власть над" (власть над кем-то), то есть оставляют в стороне то, что и является предметом особого интереса исследователей: а именно, "достижение подчинения людей путем преодоления или предотвращения их оппозиции". Во-вторых, Льюкс убежден: все, что могут выразить концепции Парсонса и Арендт, "может быть объяснено с большей ясностью в рамках предлагаемой (Льюксом. — В.Л.) концептуальной схемы". Льюке, в частности, указывает, что "случаи сотруднической деятельности, где индивиды или группы оказывают значимое воздействие друг на друга при отсутствии конфликта интересов, определяются (в его схеме. — В.Л.) как случаи "влияния", но не "власти" [2, p. 30]. Однако по сути речь идет не о недостатках концепций Парсонса и Арендт, а, скорее, о преимуществах альтернативного подхода.

К числу концепций, стоящих особняком в современной кратко-логии (хотя и примыкающей к "несекционной" традиции) относится концепция Мишеля Фуко. Бросив вызов традиционному подходу, Фуко, как Парсонс и Арендт, считает его односторонним, сводящим власть к "власти над", к негативной репрессивной силе. Фуко полагает, что данная модель может быть использована для характеристики досовременных властных отношений, но вряд ли способна адекватно описать и объяснить современные формы власти, основанные на новых способах управления и тесно связанные со знанием, экспертизой и специализированными технологиями. Современная власть, пишет Фуко, принимает форму "дисциплинарной власти". Под дисциплинарной властью он понимает власть, трансформирующую людей в объекты с помощью "дисциплин", присущих психиатрии, медицине,

криминологии и социальным наукам. Эти "дисциплины" помогают сформировать "общество нормализации" — частично через их специализированные дискурсы, используемые в специфических социальных "точках" (госпиталях, психиатрических лечебницах, тюрьмах и т.д.), частично через применение "аппарата знания", присущего этим дисциплинам и их дискурсам [18, p. 100].

Некоторые авторы обозначили концепцию Фуко как "четвертое лицо власти" [22, p. 977], поскольку "власть-4" появляется в тех структурах человеческих отношений, которые ранее считались свободными от власти. "Власть, — пишет Фуко, — находится везде; не потому, что она охватывает все, а потому что она исходит отовсюду" [23, p. 94]. Фуко рассматривает власть как специфический механизм вынуждения, как "способ видоизменения действий с помощью других действий" [24, p.227]. Власть "не располагается здесь или там, никогда не находится в чьих-то руках, никогда не присваивается как товар или часть богатства" [25, p. 234]. В отличие от других концептуализации, "власть" не может рассматриваться как власть А над Б; скорее и А и Б являются продуктами власти, они создаются властью и составляют важнейший элемент в ее конструкции. Власть — это тотальность, постоянно подчиняющая индивидов путем структурирования возможного поля их деятельности. При этом индивиды не являются "инертными и согласными на все" объектами власти: "индивид, конституированный властью в то же время является ее двигателем" [25, p. 234]. В отличие от силы, которая воздействует на тело и разрушает какие-либо возможности или закрывает доступ к ним, власть "осуществляется только над свободными субъектами... которые имеют поле выбора и несколько различных вариантов поведения, реакций и действий. Там, где все предопределяется детерминирующими факторами, отношение власти отсутствует: рабство не есть властное отношение, поскольку человек находится в цепях" [24, p. 229].

В соответствии со своим пониманием власти, главную задачу ее изучения Фуко видит в том, чтобы "рассмотреть, каким образом происходит постепенное, прогрессивное, реальное и материальное подчинение объектов через многообразные организмы, силы, энергии, материалы, желания, мысли и т.д. Мы должны понять подчинение в его материальной инстанции как производство объектов... мы должны попытаться исследовать мириады тел, которые создаются как периферийные объекты в результате действия власти" [25, p. 233]. Его подход направляет исследование на анализ появления и формирования властных отношений, их историческое происхождение. Фуко предлагает осуществлять "восходящий анализ власти, начинающийся с его элементарных механизмов, имеющих свою собственную историю, свою траекторию, свою технику и тактику, и потом посмотреть как эти механизмы власти были и продолжают инвестироваться, колонизироваться, использоваться, расширяться и т.д. в более общих механизмах и формах глобальной доминации" [25, p. 235].

Разумеется, никто из исследователей не поставил под сомнение необходимость тщательного изучения механизмов "дисциплинарной власти": необходимость эта очевидна.

Сомнения однако могут возникнуть и возникают относительно правомерности столь широкого толкования власти, которое, в отличие от большинства других концепций, уже не так четко разводит власть и механизмы объективной социальной регуляции, власть и господство. Хотя Фуко и подчеркивает, что субъект власти обладает свободой выбора, он, будучи продуктом власти, по сути лишь играет роль носителя властных отношений, элемента ее производства и воспроизводства, а не самостоятельного актора, ответственного за подчинение объекта. При этом в отношении концепции Фуко может быть высказано то же самое замечание, которое Льюке отнес к концепциям Парсонса и Арендт: в ней не отражаются те аспекты, которые традиционно интересуют исследователей, а именно власть субъекта над объектом, возможность преодоления сопротивления и оппозиции.

Как видно, ни один из подходов не избежал тех или иных критических атак, часто предпринимаемых с противоположных позиций. В большинстве случаев концепции рационально обоснованы, логичны, последовательны, вписываются в более общие схемы своих создателей и тесно связаны с их мировоззренческими, методологическими и теоретическими взглядами. Поэтому отнюдь не просто отдать предпочтение той или иной концептуализации власти. Следует также учесть, что исследователь "выбирает" концепцию власти, позволяющую ему обратить внимание на те аспекты социальной реальности, которые он считает наиболее важными и которые являются объектом его интереса. В связи с этим многие авторы пришли к выводу, что власть является "по существу оспариваемым понятием" (essentially contested concept), и, следовательно, концептуальные диспуты вокруг нее в принципе не разрешимы рациональным способом [2]. Однако у этой идеи есть и серьезные оппоненты, считающие такую позицию сомнительной и ведущей в случае принятия к отказу от конструктивных концептуальных исследований и, в конечном счете, к разрушению самого политического дискурса [18].

Последняя позиция представляется наиболее обоснованной: концептуальные дебаты, разумеется, будут всегда, но это не исключает возможности рационального сопоставления и оценки различных концептуализации. Несомненно, дискуссия вокруг понятия власти продолжится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bierstedt R. An analysis of social power // American Sociological Review. 1950. Vol.1.
2. Lukes S. Power: A radical view. Basingstoke and London: Macmillan, 1974.
3. Dahl R. Power as the control of behavior // Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.
4. Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
5. Weber M. The theory of social and economic organization / Ed. by T.Parsons. Glencoe: The Free Press, 1957.
6. Weber M. Basic concepts in sociology. New York: The Citadel Press, 1962.
7. Lasswell H.D., Kaplan A. Power and society. New Haven:

- Yale University Press, 1950.
8. Baldwin D. Paradoxes of power. New York: Basil Blackwell, 1989.
 9. Scott J. General commentary // Power / Ed. by J.Scott. V.I. London: Routledge, 1993.
 10. Dahl R. The concept of power // Political Power: A reader in theory and research / Ed. by R.Bell, D.V.Edwards, R.Harrison. New York: Free Press; London: Collier-Macmillan, 1969.
 11. Blalock H.M.Jr. Causal inferences in nonexperimental research. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1964.
 12. Bachrach P., Baratz M. Power and Poverty: Theory and Practice. Oxford: Oxford University Press, 1970.
 13. Barry B. Power: An economic analysis // Power and political theory: "Some European perspectives / Ed. by B.Barry. London: Wiley, 1976.
 14. Lukes S. Power and authority // A History of sociological thought / Ed. by T.B.Bottomore, R.Nisbet. London: Heineman, 1978.
 15. Baldwin D.A. Power and social exchange // The American Political Science Review. 1978. V.72. N 4.
 16. Blau P. Differentiation of power // Political power: A reader in theory and research / Ed. by R.Bell, D.V.Edwards, R.Harrison. New York: Free Press, 1969.
 17. Wrong D. Power: Its forms, bases, and uses. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
 18. Ball T. Transforming political discourse: political theory and critical conceptual history. Oxford: Blackwell, 1988.
 19. Parsons T. Power and the social system // Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.
 20. Arendt H. Communicative power // Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.
 21. Habermas J. Hannah Arendt's communications concept of power // Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.
 22. Digester P. The fourth face of power // The Journal of Politics. 1992. V.54. N 4.
 23. Foucault M. The history of sexuality: An introduction. Harmondsworth: Penguin, 1980.
 24. Foucault M. The Subject and Power // Power / Ed. by J.Scott. V.I. London: Routledge, 1993.
 25. Foucault M. Disciplinary power and subjection // Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.